

Вернувшись в гримёрку, Шэнь Цинъюй первым делом принёс от организаторов коробку воды. Едва он опустил её на пол, как почувствовал за спиной движение. Резко обернувшись, он увидел стоявшего почти вплотную Цзи Цзиня. Тот смотрел на него в упор, без единой эмоции на лице, а его глаза казались тёмными и вязкими, словно нерастопленный гудрон.

Шэнь Цинъюй невольно вздрогнул от неожиданности:

— Что-то случилось?

Цзи Цзинь не ответил. Он продолжал сверлить его взглядом, будто пытался заглянуть в самые глубины его мыслей. Су Ань ушла к организаторам обсуждать детали выступления, так что в гримёрке они остались одни.

Из-за опасной близости Шэнь Цинъюй мог разглядеть даже крошечный пушок на кончике носа певца. От этой странной, наэлектризованной неловкости по коже рук побежали мурашки.

Раздавшийся в этот момент стук в дверь заставил Цзи Цзиня нахмуриться и сделать шаг назад.

— Кто там? — недовольно спросил он.

— Учитель Цзи, — послышался из-за двери голос стилиста. — Не хотите примерить сценический костюм?

Цзи Цзинь раздражённо цокнул языком.

— Время ещё есть. Приходите через полчаса.

— Хорошо-хорошо, — затихли за дверью шаги.

Цзи Цзинь больше не пытался устраивать допрос взглядом. Он прошёл к дивану, опустился на него и спросил тоном, в котором не угадывалось никаких эмоций:

— О чём ты сейчас говорил с Сяо Ицзе?

Когда дистанция увеличилась, Шэнь Цинъюй наконец облегчённо выдохнул.

— Я с ним не знаком, — честно признался он. — Мы перекинулись парой слов, и только потом я узнал, кто это.

Цзи Цзинь удивлённо приподнял брови:

— Ты его не знаешь?

— Нет, — смущённо ответил Шэнь Цинъюй. — Если честно, из всех знаменитостей на сегодняшней афише я знаю только вас.

— Ты даже Чжоу Линь не знаешь?

Имя показалось смутно знакомым — Шэнь Цинъюй пару раз слышал его по радио. Посмотрев на висевшую в комнате афишу, он неуверенно указал на певицу в самом центре:

— Это она?

Цзи Цзинь приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но осёкся. На его лице отразилась целая гамма чувств.

Шэнь Цинъюй действительно никогда не увлекался развлекательными шоу и не смотрел сериалы. В огромной вселенной шоу-бизнеса новые лица вспыхивали и гасли с невероятной быстротой, так что его скромные познания ограничивались лишь парой имён. Но раз уж он стал помощником Цзи Цзиня, подобное неведение казалось непрофессиональным.

— Моя вина, — покаялся он. — Впредь я буду заранее просить у сестры Ань расписание твоих выступлений, чтобы выучить всех, с кем тебе предстоит пересекаться на мероприятиях.

— Ха... Ха-ха... Ну ты даёшь! — Цзи Цзинь наконец понял, почему Сяо Ицзе перед уходом так злобно на него посмотрел. Он мысленно представил картину их разговора, и этот абсурд рассмешил его до слёз.

— Ладно, забей, — Цзи Цзинь откинулся на спинку дивана и вальяжно закинул ногу на ногу. Его тон заметно потеплел. — Тех, кого нужно знать, я представлю тебе сам. А на остальных плевать. Так о чём именно этот придурок пытался с тобой заигрывать?

— Спрашивал, привык ли я к работе, как ты ко мне относишься... Ах да, ещё поинтересовался, не твой ли я новый протеже, которого ты решил продвигать.

— Мой протеже? — Цзи Цзинь удивлённо моргал секунду, а затем, уловив ход мыслей соперника, презрительно фыркнул: — Надо же, как много он о себе возомнил!

Шэнь Цинъюй промолчал, не понимая скрытого смысла.

— Он был уверен, что после его предательства я найду себе максимально никчёмного и покладистого помощника, лишь бы не наступить на те же грабли. Но когда увидел тебя — видного, статного, — решил, будто я поменял стратегию. Подумал, раз уж я боюсь нового удара

в спину, то решил сам вырастить лояльного новичка в обмен на свои ресурсы... — Цзи Цзинь ядовито усмехнулся. — Теперь понятно, почему его собственный ассистент выглядит как полный придурок. Тот, у кого совесть нечиста, везде видит подвох!

Шэнь Цинъюй лишь молча кивнул, мало что разобрав в этих хитросплетениях.

— Ха! — Цзи Цзинь коротко рассмеялся и запрокинул голову, глядя в потолок.

Он долго молчал. В тишине гримёрки Шэнь Цинъюй показалось, что в глазах певца — то ли от резкого света ламп, то ли от нахлынувших воспоминаний — блеснула едва заметная влага.

На душе у Шэнь Цинъюя потяжелело. Он не знал всех деталей их прошлого, но не сомневался: Сяо Ицзе совершил какую-то гнусность.

Сжав губы, он негромко произнёс:

— Прости. Я больше никогда не стану с ним разговаривать.

— За что ты извиняешься? — Цзи Цзинь качнул головой. — Он подошёл к тебе только ради того, чтобы в очередной раз мне досадить. Но благодаря тебе я, наконец, понял одну вещь.

— Какую?

На самом деле Цзи Цзинь всегда понимал, что бывший протеже намеренно выводит его из себя. И это действительно работало: при встречах Цзи Цзинь никогда не мог сдержать гнева и так и норовил уколоть его побольнее. Но теперь, услышав рассказ Шэнь Цинъюя и вспомнив бессильную злость во взгляде Сяо Ицзе, он внезапно прозрел. Осыпая предателя проклятиями и демонстрируя ненависть, он лишь играл по его правилам. С таким ничтожеством, как Сяо Ицзе, лучшее оружие — полное, абсолютное равнодушие. Ничто не заденет его эго сильнее.

Цзи Цзинь пренебрежительно скривил губы:

— Тебе не нужно демонстративно его избегать. Ты его не знаешь, не понимаешь, кто он такой, и упаси тебя бог копать в его грязном белье. Веди себя как прежде — просто пустое место.

— Хорошо.

Цзи Цзинь замолчал, мягко разглядывая стоящего перед ним парня.

Когда он стоял на сцене и увидел, как Сяо Ицзе внизу вплотную приблизился к Шэнь Цинъюю и что-то интимно зашептал ему на ухо, его ярость вспыхнула мгновенно — захотелось

швырнуть микрофон и спуститься вниз. Но стоило ему перевести взгляд с предателя на Шэнь Цинъюя, как при виде этого спокойного, мужественного лица гнев отступил, уступив место какому-то странному, умиротворяющему чувству. Внутренняя буря утихла, так и не вырвавшись наружу.

Бог знает, как давно он не испытывал подобного контроля над собственным разумом. И, к его удивлению, это внезапное затишье не отзывалось привычной тупой болью.

Заметив, что Цзи Цзинь застыл в молчании, Шэнь Цинъюй спросил:

— Хочешь перекусить? Ты ведь пропустил обед. Я могу принести салат.

Певец качнул головой и похлопал по сиденью рядом с собой:

— Никуда не ходи. Посиди со мной.

Шэнь Цинъюй спорить не стал и послушно сел рядом.

Он ждал, что Цзи Цзинь продолжит разговор, но тот молчал. Музыкант просто поглубже устроился на диване, полностью расслабившись. Его взгляд подёрнулся дымкой, лицо разгладилось — он без остатка растворился в этой хрупкой, неожиданной тишине.

В семь вечера концерт наконец начался.

Организаторы грамотно выстроили программу, чередуя выступления артистов разной величины, чтобы удерживать внимание зала и постоянно подогревать интерес публики. Цзи Цзиню, как одному из главных хедлайнеров, отвели место в самой середине шоу.

Спустя час после начала к ним заглянул администратор и попросил пройти за кулисы.

Шэнь Цинъюй последовал за ним в зону ожидания, держа наготове бутылку воды и салфетки, чтобы сразу встретить артиста после выступления.

— Ты когда-нибудь бывал на моих концертах? — негромко спросил Цзи Цзинь, поправляя микрофон.

Шэнь Цинъюй виновато улыбнулся и отвёл взгляд.

— Тоже мне, преданный слушатель!

Шэнь Цинъюй действительно никогда не принадлежал к числу фанатов. Его симпатия к творчеству Цзи Цзиня была искренней, но он не следил за новостями в соцсетях и понятия не имел, как устроен шоу-бизнес. Обычно к тому моменту, когда до него долетали слухи об очередном концерте, все билеты были раскуплены ещё за сто лет до этого.

— Тогда смотри и слушай во все глаза, — шутливо пригрозил Цзи Цзинь. — Мой живой звук в сто раз круче любой студийной записи!

Шэнь Цинъюй улыбнулся:

— Договорились.

Вскоре свет в зале погас, и Цзи Цзинь в сопровождении координатора скрылся в темноте за кулисами.

Над огромным залом на полминуты нависла глухая, напряжённая тишина. Но едва среди трибун пополз сонный шёпот, как мощные лучи прожекторов разом ударили в самый центр сцены. На фоне светлых декораций полукругом выстроились танцоры в чёрном, словно свита вокруг своего короля. А в самом центре этой живой арки у стойки микрофона стоял Цзи Цзинь в вызывающе-алом костюме. В его небрежной, расслабленной позе сквозила такая уверенность, будто он одним своим присутствием подчинял себе каждый сантиметр этого огромного пространства.

На секунду показалось, что это не прожекторы освещают артиста, а он сам излучает ослепительный свет, заставляющий сиять всё вокруг.

Едва раздался первый аккорд вступления, как трибуны буквально взорвались неистовым, оглушительным рёвом.

— А-а-а-а-а!!!

— Цзи Цзинь! Цзи Цзинь!

Уголки губ певца дрогнули в едва заметной улыбке. Он уверенно обвёл взглядом беснующуюся толпу, вызывая новую, ещё более мощную волну криков. С сухим хлопком из пиротехнических пушек вырвались столпы искр, и над залом поплыл чистый, пронзительный голос Цзи Цзиня.

Шэнь Цинъюй стоял в глубокой тени за кулисами. Отсюда ему отлично были видны и разлетающиеся в бешеном вихре танца полы алого пиджака, и то, как двигались губы поющего Цзи Цзиня.

Тяжёлые удары барабанов обрушились на зал подобно внезапной летней грозе. Плотный, пульсирующий ритм пробивал до костей, заставляя кожу покрываться крупной дрожью. Пол

под ногами вибрировал в такт безумному темпу, и сердце Шэнь Цинъюя колотилось так бешено, словно стремилось вырваться из груди навстречу этой музыке.

Он всегда знал, что Цзи Цзинь рождён для сцены, но лишь сейчас, оказавшись так близко, по-настоящему осознал, какой неистовой, почти первобытной силой обладает этот человек, когда поёт.

Спустя две песни выступление подошло к концу. На сцену вышли ведущие, а Цзи Цзинь под оглушительный гул разочарованной толпы спустился по ступенькам за кулисы.

Шэнь Цинъюй тут же шагнул ему навстречу, протягивая салфетки.

Кое-как промокнув лицо, Цзи Цзинь выхватил бутылку воды и принялся жадно пить. Перед выходом на сцену он сознательно морил себя голодом и почти не пил, чтобы не отвлекаться на досадные потребности организма во время шоу. Теперь же, когда всё было позади, он наконец мог выдохнуть.

— Ну как тебе живой звук? — спросил он, тряхнув влажной чёлкой. Тон его не предполагал сомнений — он заранее знал ответ.

— Это было... невероятно, — искренне ответил Шэнь Цинъюй. Он действительно не находил слов. Живое выступление не шло ни в какое сравнение с записью на пластинке или трансляцией по телевизору. Сумасшедшая энергетика, хлынувшая со сцены, заставила кожу покрыться мурашками.

Цзи Цзинь притворно надул губы:

— Сразу видно спортсмена — уроки литературы в школе явно прогуливал. И это всё? «Невероятно» — и предел? С тебя как минимум развёрнутое эссе слов на двести!

Несмотря на ворчание, глаза певца так и светились самодовольством.

Но не успел Шэнь Цинъюй судорожно выудить из памяти подходящие эпитеты, как Цзи Цзинь резко замер. Улыбка мгновенно сошла с его лица.

Прямо на повороте к их гримёрке, перегораживая проход, стоял тот, кого они меньше всего хотели видеть.

Сяо Ицзе, до этого лениво подпиравший стену, при их появлении выпрямился и приторно улыбнулся:

— Привет, братец Цзинь.

Цзи Цзинь даже не взглянул на него. Он попытался пройти мимо, но тот преградил ему дорогу, выставив руку:

— Ну что ты как неродной? Мы не виделись целых два месяца. Неужели не поболтаем о былых временах? — Сяо Ицзе явно оправился от дневного потрясения на репетиции и вернулся к своей излюбленной маске дружелюбия.

Цзи Цзинь сквозь зубы процедил лишь одно слово:

— Сгинь.

Сяо Ицзе ничуть не смутился. Шагнув ближе, он наклонился к самому уху артиста и зашептал с вкрадчивой усмешкой:

— Ну зачем же так грубо? Вокруг люди. Вдруг кто-то заметит и решит, будто мы в ссоре? Как я тогда буду оправдываться перед журналистами, братец?

Цзи Цзинь до боли сжал челюсти.

Он обещал себе не поддаваться на эти дешёвые провокации, но стоило ему увидеть самодовольную физиономию Сяо Ицзе и услышать этот приторный голос, как ярость вскипела в крови с новой силой. Это было сильнее разума — чисто физиологическое отвращение, словно перед ним лежала куча смердящих отбросов.

Выговаривая каждое слово с трудом, Цзи Цзинь спросил:

— Чего ты хочешь?

— Моё выступление давно закончилось, но я специально задержался, чтобы сделать с тобой фото, — Сяо Ицзе достал телефон и переключил камеру на фронтальную. — Я ведь при каждом удобном случае подчёркиваю, что считаю тебя своим наставником. Будет странно, если мы встретимся и не выложим совместный снимок в Вейбо, согласен?

Пальцы Цзи Цзиня мелко задрожали. В этот миг им овладело дикое, почти непреодолимое желание вырвать проклятый мобильник и со всей силы швырнуть его в эту ухмыляющуюся физиономию!

Но стоило Цзи Цзиню дёрнуться вперёд, как кто-то незаметно и ювелирно точным движением ткнул Сяо Ицзе под локоть сзади. От плеча до самых кончиков пальцев беглеца прошла парализующая судорога. Рука мгновенно онемела, пальцы разжались, и телефон полетел вниз.

Прежде чем дорогой гаджет успел коснуться пола, Шэнь Циньюй ловко поймал его у самого

пола. Выпрямившись, он с предельно вежливой улыбкой протянул заблокированный экран Сяо Ицзе:

— Осторожнее, господин Сяо. Не роняйте вещи.

Сяо Ицзе забрал мобильный, совершенно растерявшись. Парень говорил настолько искренне и дружелюбно, что он на секунду засомневался: может, он и правда выронил телефон сам из-за неловкого движения?

Пока он соображал, Шэнь Цинъюй ненавязчиво, но надёжно заслонил собой Цзи Цзиня.

Певец посмотрел на широкую спинку своего помощника, и его напряжённые плечи постепенно расслабились.

Сжав телефон в руке, Сяо Ицзе решил не связываться с амбалом. Заглянув за его плечо, он вновь уставился на Цзи Цзиня, заговорив ещё более едко:

— Ну так что, братец? Неужели откажешься сфотографироваться с преданным учеником?

Цзи Цзинь помолчал секунду, а затем слегка потянул Шэнь Цинъюя за рукав, ставя его прямо перед собой:

— Стой здесь. Не уходи из моего поля зрения.

Шэнь Цинъюй удивлённо моргнул:

— А?

Но Цзи Цзинь уже перевёл взгляд на соперника, и его голос зазвучал удивительно спокойно:

— Ладно, давай своё фото. Только быстро, я тороплюсь.

Сяо Ицзе опешил от такой покладистости.

— Ну? Будешь снимать или я пошёл? — Цзи Цзинь сделал шаг в сторону, но Сяо Ицзе тут же спохватился:

— Снимаю, конечно снимаю!

Он поспешно поднял камеру и придвинулся ближе, пытаясь изобразить на лице дружеское

тепло. То, что Цзи Цзинь не оттолкнул его сразу, уже было пределом его щедрости. Подыгрывать бывшему другу певец не собирался и смотрел в объектив с ледяным равнодушием.

Сяо Ицзе не спешил нажимать на кнопку. Наводя ракурс, он как бы невзначай заметил:

— Кстати, братец Цзинь, сегодня утром проверял чарты на «ТТ-Мьюзик». Наши треки снова идут плечом к плечу. Только вот моя песня взлетела на первую строчку, а твоя плетется где-то на второй.

Цзи Цзинь парировал с ледяным спокойствием:

— Что ещё за помойный рейтинг? Впервые слышу.

Сяо Ицзе поперхнулся словами.

Его веко нервно дёрнулось, но он быстро вернул притворную улыбку:

— Ну хорошо, хорошо. Кстати, говорят, мы оба номинированы на премию «Золотая мелодия». Насколько я помню, ты всегда дорожил этой наградой. Если вдруг статуэтка уйдёт ко мне, ты уж не держи на меня зла, ладно?

Цзи Цзинь снисходительно усмехнулся:

— Если жюри опустится до того, чтобы вручить её тебе, ноги моей больше не будет на этой церемонии.

Не давая Сяо Ицзе вставить и слова, он впервые за вечер удостоил его прямым, колющим взглядом:

— И не обольщайся, дело не в тебе. Просто я не намерен признавать премию настолько низкого пошиба.

Лицо Сяо Ицзе мгновенно потемнело от злости.

Цзи Цзинь не стал тратить на него больше ни секунды. Бросив короткое «идём» Шэнь Цинъюю, он стремительно направился к своей гримёрке.

Сяо Ицзе смотрел ему вслед, и в его душе росло недоумение. Цзи Цзинь, конечно, не выказал дружелюбия, но почему он ни разу не сорвался на крик?

— Неужели этот псих снова сел на колёса? — пробормотал он под нос.

— На колёса? О каких таблетках речь? — с любопытством влез стоявший рядом ассистент Сяо Чжоу.

Сяо Ицзе ожёг его свирепым взглядом:

— Тебя вообще кто-то спрашивал?

Сяо Чжоу испуганно вжал голову в плечи.

Сяо Ицзе опустил взгляд на экран мобильного телефона, где светилось только что сделанное фото. На снимке он сам так старательно, слащаво улыбался, тогда как Цзи Цзинь стоял рядом — холодный, надменный, с бесконечно чужим и презрительным выражением лица. Обычный статичный снимок, но как же безжалостно он обнажал суть их отношений: баловень судьбы Цзи Цзинь всегда будет сиять на недостижимой высоте, тогда как ему суждено лишь пресмыкаться у его ног. Как пресмыкался все эти два года, изо дня в день.

На виске Сяо Ицзе вздулась синяя вена. Он яростно ударил пальцем по экрану, удаляя снимок, и прикрыл глаза, бессильно прислонившись к стене.

Сяо Чжоу застыл рядом, не смея даже вздохнуть.

Лишь когда в конце коридора послышался шум шагов — это с триумфом возвращался со сцены очередной артист, — Сяо Ицзе открыл глаза и глухо скомандовал:

— Пошли отсюда.

<http://bllate.org/book/18263/1748551>